

ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ В МИГРАНТОЕМКОМ РЕГИОНЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Анализируется понятие языкового конфликта применительно к языковой ситуации в мигрантоемком регионе. Предложена авторская типология языкового конфликта, включающая языковые макро- и микроконфликты. Поставленная проблема рассмотрена в междисциплинарном аспекте с применением социологических и социолингвистических подходов на материалах социологического исследования в ХМАО-Югре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковой конфликт; социальный конфликт; макроконфликт; микроконфликт; этнос и нация; государство и общество; мигрантоемкий регион и статусы.

Языковые конфликты не просто имеют давнюю историю, у них объективное настоящее. В социологии языка существует достаточно устоявшаяся точка зрения о том, что языковой конфликт — это социальный конфликт, причиной которого становятся ограничения в правах некоторых социальных общностей в использовании своего родного (первого) языка в определенных социальных и других сферах. Так, в работе Н. Б. Бахтина, Е. В. Головки языковой конфликт рассматривается именно как социальный конфликт, связанный с языковой политикой государства, а причины такого конфликта, по мнению авторов, могут лежать в самых различных сферах, от экономической до политической, социальной и религиозной. В этом конфликте всегда есть так называемая доминирующая языковая группа, которая пытается ограничить социальные и другие возможности иных языковых групп [1].

Языковой конфликт, прежде всего, по своей природе лежит в плоскости межнациональных и межэтнических отношений. Именно поэтому проблемы языкового конфликта в условиях мигрантоемкого региона приобретают значительную актуальность.

Язык — это признак нации, этноса, т. е. речь идет не только об использовании того или иного языка в определенных социальных и прочих сферах, но и о легитимном праве включенности той или иной языковой личности или группы (в каждом конкретном случае и в каждом конкретном обществе) в процесс социальной коммуникации с правом использования в этом процессе того кода, который считается для нее, т. е. личности (группы), более предпочтительным. Здесь необходимо сделать оговорку: в этой статье мы не рассматриваем случаи социального языкового варьирования, т. е. использования одного языка различными социальными

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-14-86005, а (р), Региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура»-2015 — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра).

и профессиональными общностями, а также проблемы использования диалектов или говоров одного и того же языка [7, 72–89].

Учитывая, что в социологической и социолингвистической науках (и не только в них) именно межнациональные и межэтнические конфликты считаются наиболее острыми, жесткими и затяжными, языковые конфликты могут стать их причиной или следствием.

Возвращаясь к первоначальному тезису о том, что языковой конфликт — это социальный конфликт, в следующей части нашей статьи рассмотрим возможную его первопричину.

Проблемы социальных конфликтов всегда занимали одно из важных мест не только в социологии, но и социальной психологии. Фактически конфликт как социальная сущность, получив свое первоначально целостное понимание у К. Маркса, а затем свое развитие у М. Вебера как конфликт привилегированных и непривилегированных статусных социальных групп, приобретает самые разнообразные толкования в социальных науках. У Т. Парсонса просматривается неизбежность социального конфликта, в рамках которого нормативный элемент в социальной системе становится ядром, причиной социальной напряженности [14]. В работах Р. Дарендорфа [2, 142–147], Л. Козера [13, 197–207] конфликт рассматривается вообще как необходимый элемент развития социальной системы. Учитывая такое различное понимание социального конфликта, мы для нашей работы определим общий тезис — конфликт возникает тогда, когда объективно существует неравенство: «борьба классов» (К. Маркс), «оппозиционные статусы» (М. Вебер), «нормативный элемент, противопоставленный всем» (Т. Парсонс), противоречия между ролями и позициями (Р. Дарендорф) и др.

Таким образом, языковой конфликт как разновидность социального конфликта возникает, в сущности, из-за имеющегося в обществе неравенства и зависит от социальных статусов языка, которых у последнего, как известно, может быть два: правовой и фактический [10, 141].

Кратко остановимся на их описании. Правовой статус языка, как следует из самого термина, закреплен в соответствующих государственных или межгосударственных документах или законах. Государственный, официальный, региональный, язык национальных меньшинств и т. д. — это правовой статус языка, закрепленный в конституции конкретных стран или их законах. Международные или межгосударственные объединения (ООН, ЮНЕСКО, Интерпол и т. д.) устанавливают свои списки языков, имеющих межгосударственный статус и, как следствие, право официально использоваться в работе международных организаций.

Фактический же статус языка — это де-юре не подкрепленный, но де-факто существующий его статус в том или ином обществе, социальной группе, в межгосударственном пространстве. Так, суждение «английский язык как глобальный» [6] говорит о том, что этот язык завоевывает новые сферы вне зависимости от официальных границ государств: средства массовой информации, Интернет, кино, музыку (массовое искусство), образование и науку в условиях их интернационализации и т. д. Он, в свою очередь, выступает еще и как локальный

язык-посредник (лингва-франка) в отдельных государствах, таких, например, как Индия, с огромным количеством населения, для которого он не является родным.

При этом существуют иные ситуации объективного социального языкового неравенства, когда, например, русский язык, де-юре признанный как мировой язык межгосударственных организаций (ООН, ШОС, ГУАМ, Международная организация по стандартизации), государственный в Российской Федерации и официальный язык в некоторых странах СНГ, один из 6 крупных языков мира по числу говорящих на нем, по определенным, в первую очередь политическим, причинам, с одной стороны, не признается де-юре даже в странах с подавляющим числом говорящего на нем русскоязычного населения, а, с другой стороны, де-факто имеет статус только языка бытового общения.

Линейку примеров можно продолжать, но факт остается фактом: языковое неравенство, вызванное статусом языка, кладется в основу языкового конфликта.

Чаще всего языковые конфликты рассматриваются на страновом уровне: французский и голландский языки в Бельгии, английский и французский языки в Канаде, финский и шведский в Финляндии, русский язык в странах, бывших союзными республиками, и т. д.

Вместе с тем применительно к миграционной проблематике такое объяснение языкового конфликта мы считаем недостаточным. Дело в том, что социолингвистика чаще всего рассматривает языковые конфликты между языками, являющимися для европейских и других государств исторически исконными, чаще всего — это конфликты языков разных языковых групп, но одной языковой семьи (французский — английский, французский — голландский, испанский — каталонский, английский — ирландский и т. д.). Возможные же языковые конфликты между разносистемными языками («местными» и «недавно пришлыми») в синхронном современном срезе, как правило, не являются объектом пристального внимания специалистов.

Тем не менее есть основание полагать, что масштабы языковых конфликтов могут быть самыми разнообразными (от глобальных до локальных), что отражается на их различном понимании даже на терминологическом уровне.

Так, Д. Кристалл называет их лингвистическими битвами [6], С. Г. Тер-Минасова [9] и многие другие предлагают термин «война и мир языков культур». В. Ю. Михальченко выделяет межэтнический и внутриэтнический языковой конфликт: «Такие конфликты чаще всего наблюдаются в процессе становления литературного языка во время борьбы за выбор опорного диалекта. Нередко конфликтным становится вопрос о выборе или смене графической основы языка, например, конфликт между сторонниками и противниками перевода татарского языка на латинскую графическую основу... Межэтнические языковые конфликты зачастую являются частью национальных конфликтов, затрагивающих социальные, культурные, политические проблемы» [8, 210–213].

Не менее важным становятся последствия языковых конфликтов: первое — вымирание языков (постепенная потеря ими статусов) вплоть до языковой смерти и полного исчезновения, и второе — креолизация языков (формирование новых языков) [4].

Поэтому, разрабатывая теорию языкового конфликта применительно к мигрантоемкому региону и принимая во внимание его причины, связанные с приобретением языками соответствующего статуса, его сменой, потерей, с выживанием в условиях языкового неравенства, преодолением самого конфликта с возможными для языков различными последствиями, мы предлагаем свое видение этого феномена.

Мы предлагаем выделять две его разновидности: языковой макроконфликт и, соответственно, языковой микроконфликт, так как конфликтная ситуация может в принципе возникнуть не только на межгосударственном уровне (например, сопротивление такой страны, как Франция, гегемонии английского языка в Европе), но и в любом обществе, государстве. Это макроуровень языкового конфликта. Но языковой конфликт возможен и в отдельном круге людей, если это общество, государство, круг людей не просто многонациональны, полиэтничны, а скорее полилингвистичны. Мы называем такую ситуацию «языковой микроконфликт». Другими словами, разница в понимании языкового макроконфликта и языкового микроконфликта заключается в разнонаправленности их векторов.

Поясним наш тезис. Языковой макроконфликт возникает, когда язык определенной этнической группы в полиэтничном государстве стремится к приобретению им официального правового статуса. Вектор языкового микроконфликта направлен на получение языком определенного фактического статуса, признания. Если первая разновидность возникает преимущественно в межэтнической среде и на страновом уровне, то вторая появляется внутри социальных общностей одного государства, чаще полиэтничного, но возможна и внутри самих этнических общностей. В этих группах официальный правовой статус языка не присваивается, а фактический, т. е. право говорить на родном языке в любой ситуации, отстаивается. Рассмотрим эти разновидности подробнее.

Языковой макроконфликт. Под таким конфликтом целесообразно понимать не только языковые конфликты, исторически значимые в масштабе стран, государств или континентов, но и объективные, явные, непосредственные столкновения социальных, политических, религиозных и других групп и общностей, имеющие исторические, политические и даже геополитические, до сих пор «не принятые» и «не признанные» корни.

Классическим примером языкового макроконфликта можно назвать ситуации в Норвегии, Бельгии, Испании, Франции, Великобритании и т. д.; в Америке (Канаде, США); в Азии (Индии, Китае); в Евразии (России). Так, следуя позиции А. Д. Швейцера, языковая ситуация в Норвегии — это пример столкновения по языковому вопросу позиций политических партий, т. е. представителей законодательной государственной власти и общественности, социально активных групп населения, и это столкновение переросло не просто в проблему языкового конфликта двух литературных языков, а в серьезную политическую проблему государства [10, 147].

Не менее значимый европейский языковой конфликт сопровождает всю историю Бельгии, государства, появившегося в Европе в первой трети XIX в. В современных источниках такой конфликт называют франко-фламандским,

валлоно-фламандским противостоянием, современным лингвистическим конфликтом, продолжающимся до сих пор. Это противостояние вылилось в принятие целого ряда документов на европейском уровне [12, 15].

Аналогичная ситуация, с точки зрения языкового макроконфликта, наблюдается в Испании, точнее, в ее провинции — Каталонии [2]. Автор статьи «Языковое погружение в европейском контексте» Виларрубиас Мерсе (Mercè Vilarrubias), опубликованной в испанской центральной газете «Страна» (El País), отмечает, что одним из важнейших вопросов повестки дня для каталонцев остается вопрос: получит ли поддержку ЕС система языкового погружения, применяемая в школах Каталонии?

В основе языкового конфликта в Северной Ирландии — борьба между теми, кто желает видеть Северную Ирландию частью Соединенного Королевства, и теми, кто желает увидеть ее воссоединение с островом Ирландия. Аргументация последних, как известно, подкреплена историческими, религиозными, политическими, экономическими и психологическими причинами [11].

Такие конфликтные ситуации могут в принципе возникнуть в любом обществе, государстве, если они не просто многонациональны, полиэтничны, а скорее полилингвистичны.

Языковой микроконфликт. Вместе с тем языковой конфликт возможен и внутри отдельной социальной, социально-профессиональной или этнической группы в пределах одного государства. Это языковой микроконфликт. Другими словами, конфликт одного уровня тянет за собой конфликты другого уровня. Ярким примером такой ситуации может, на наш взгляд, стать любой регион Российской Федерации. Мы рассмотрим эту проблему в контексте Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — ХМАО-Югра).

ХМАО-Югра всегда считался полиэтничным регионом, здесь проживает свыше 120 национальностей, прибытие сюда мигрантов вряд ли принципиально придает этому региону больше полиэтничного разнообразия, но объективно прибавляет полилингвальности, или многоязычия. Это — объективный факт, игнорирование которого стало бы серьезной ошибкой в построении миграционной политики.

Подавляющее число населения региона ХМАО-Югры, прибывшего в округ в период начала его индустриального освоения (1960–1980-е гг.), было русскоговорящим, хотя этнически чрезвычайно разнообразным.

По сути, внутренняя миграция в СССР реально способствовала внутреннему этническому разнообразию регионов (например, комсомольские стройки, которые собирали все трудоспособное население СССР). На местах во вновь создаваемых городах и рабочих поселках организовывались вечерние школы, профтехучилища, где преподавание осуществлялось на русском языке, так как русский язык в СССР выполнял не только функцию официального языка, но и языка межнационального общения, а значит, был обязательным для изучения.

После распада большой страны каждое из образовавшихся суверенных государств интенсивно распространяет использование языков титульных наций (азербайджанского, таджикского, узбекского, грузинского, армянского, украинского,

белорусского, латышского, литовского, эстонского и др.). Русский язык в этих государствах уходит на второй план, а в ряде стран даже со значительным количеством русскоязычного населения вообще исключается из перечня обязательных языков и лишается всех статусов.

В результате таких языковых политик в течение десятилетия после распада СССР современная Россия столкнулась с потоками не только внешней миграции из бывших республик, но и внутренней (чаще из республик Северного Кавказа). Особенностью таких миграционных потоков явилось то, что представители нового поколения не только бывших, но и настоящих соотечественников чаще всего либо практически не владеют русским языком, либо владеют им исключительно на бытовом уровне.

Таким образом, полиэтничность, многонациональность регионов, в частности ХМАО-Югры, в последнее время осложняется еще и полилингвальностью его населения.

Объективно в повседневной жизни языковое разнообразие ярко «прослушивается» на улице, в публичных местах, общественном транспорте, из окон частных автомобилей и т. д. Чаще всего громкий разговор двух и более лиц с характерной наружностью в таких общественных местах вызывает у прохожих раздражение и даже неприязнь. Другими словами, языковой микроконфликт — это объективно существующее явление, но он возможен не только в межэтнической среде, но и внутри самого этноса.

Рассмотрим такую ситуацию. Когда мы настаиваем на изучении русского языка детьми-мигрантами, несомненно, мы способствуем их более успешной социокультурной адаптации, но в то же время закладываем латентный языковой микроконфликт. Ведь чтобы освоить русский язык, необходима постоянная практика, а школьнику он нужен не только как «бытовой» язык, но и как второй родной, чтобы в перспективе получить профессиональное образование и успешно социализироваться в принимающем его обществе. Для этого необходимо практиковаться и в школе, с друзьями, и дома. А вот дома чаще используется свой первый родной язык. Естественно, запретить это, ограничить или как-то регулировать, вмешиваться мы не имеем права. Необходимы другие профилактические меры, условия, механизмы, чтобы у таких школьников, с одной стороны, возникла мотивация осваивать русский за пределами школьных занятий, например, в рамках воспитательных мероприятий, а с другой стороны, появилась возможность продемонстрировать владение своим родным языком перед русскоязычными учащимися в игровой форме, форме урока.

В ходе крупномасштабного социологического исследования, проведенного и завершеного нами в 2013 г. [5], было установлено, что в национальной структуре ХМАО-Югры среди трансграничных мигрантов доминируют узбеки (30,4 %), азербайджанцы (23,9 %), таджики (9,5 %), киргизы (8,0 %); среди внутренних мигрантов, представителей Северного Кавказа — лезгины (6,5 %), кумыки (5,1 %) (рис. 1).

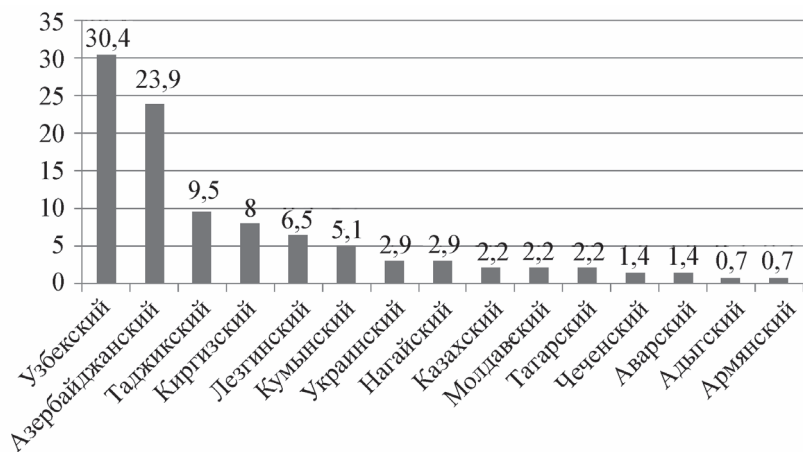

Рис. 1. Мигранты о языке, который они считают родным, % к числу ответивших

Здесь важна выявленная нами самооценка уровня владения русским языком респондентами-мигрантами, представленная на рис. 2. Отметим, что речь в данном случае идет о разговорном языке.

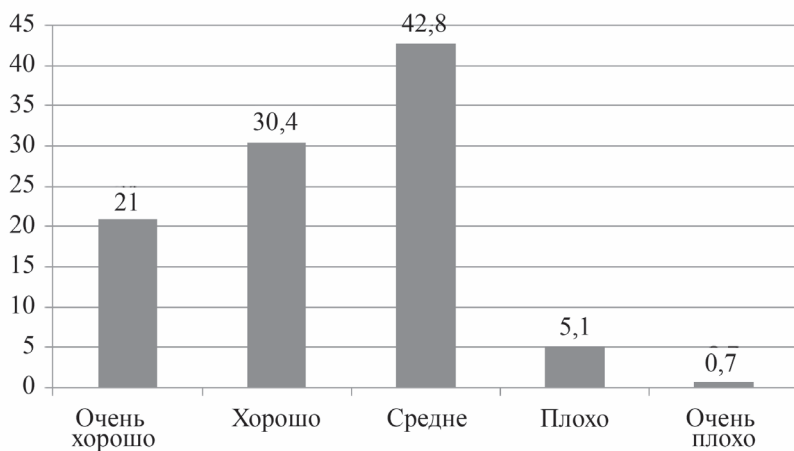

Рис. 2. Респонденты об уровне владения русским языком, % к числу ответивших

Как мы видим, более 50 % респондентов оценивают свой уровень владения русским языком как «хороший», 42,8 % — как «средний». Это достаточно неплохой показатель. Вместе с тем уровень владения разговорным русским языком зависит от продолжительности проживания мигрантов в РФ, и именно в данном регионе (см. таблицу).

Респонденты об уровне владения русским языком, % к числу ответивших*

Уровень владения русским языком	Продолжительность проживания в РФ		Итого
	до 3 лет	более 3 лет	
Хорошо	21,1	78,9	100,0
Средне	20,3	79,7	100,0
Плохо	75,0	25,0	100,0

* Хи-квадрат = 18,2; вероятность ошибки = 0,004; коэффициент Крамера = 0,314; связь между признаками слабая.

Данные таблицы показывают зависимость уровня языковой адаптации респондентов от продолжительности проживания в регионе, другими словами, от интегрированности в социокультурную среду.

По мнению мигрантов, базовым источником языковых знаний для них стала школа, в которой они учились на родине (74,5 %). 25,5 % респондентов освоили язык в процессе общения с окружающими, родственниками, под воздействием СМИ [5].

Подведем итоги.

Во-первых, нами выявлена явная диспропорция в реальном знании мигрантами русского языка и в оценке этого знания ими самими (по данным Центра языкового тестирования мигрантов в СурГПУ (май 2015 г.), каждый пятый мигрант не может пройти комплексный тест на разрешение на работу).

Во-вторых, декларируемое мигрантами желание изучать русский язык в реальной практике не находит свое подтверждение. Хуже всего ситуация среди женщин-мигрантов. Их постоянная занятость домашними делами, исключая реальное общение на русском языке, является одной из важных причин их незнания русского языка. Это, в свою очередь, пагубно отражается не только на них, так как при желании они не могут найти работу, но и на их детях, для которых они не могут создать позитивную среду освоения русского языка дома.

В-третьих, остается открытым вопрос сохранности у мигрантов их собственного языка, который объективно оказывается под угрозой возможных последствий, о которых мы писали выше.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования показывают, что мигрантоемкий регион становится площадкой для развития языковых микроконфликтов. Причин тому несколько: обязательное знание русского языка, истории, культуры (институционализация такого знания в виде экзамена); доминирование русского языка во всех социальных коммуникациях; непринятие русскоязычным населением чужих языков (как следствие, раздражительность, гнев, фобии, межличностные и межгрупповые конфликты, имеющие зачастую обоюдный экстремистский характер и порождающие вербальную агрессию); проблемы языковой внутрисемейной адаптации мигрантов (бытовой языковой микроконфликт в семье) и многое другое.

Мы считаем, что поставленные в статье вопросы остаются открытыми и будут требовать обязательного своего разрешения для смягчения или избегания языковых микроконфликтов в мигрантоемких регионах.

1. *Бахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие. СПб., 2004.
2. *Виларрубиас М.* (Mercè Vilarrubias). Языковое погружение в европейском контексте. Весьма маловероятно, что Брюссель согласится с каталонской моделью образования // *El País*. 2013. 2 апр.
3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // *Социол. исслед.* 1994. № 5. С. 142–147.
4. *Засе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // *Социоллингвистика и социология языка : хрестоматия* / [пер. с англ.] ; отв. ред. Н. Б. Бахтин. СПб., 2010. С. 433–458.
5. *Засыткин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах : монография. Ханты-Мансийск, 2012.
6. *Кристалл Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. М., 2001.
7. *Крысин Л. П.* Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // *Социоллингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. / Н. Н. Трошина (отв. ред.).* 2-е изд., доп. М., 2008. С. 72–89.
8. *Михальченко В. Ю.* Языковой конфликт в полиэтничном государстве // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире.* М., 2014. С. 210–213.
9. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур. М., 2008.
10. *Швейцар А. Д.* Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы. 4-е изд. М., 2012.
11. *Cairns E., Darby J.* The conflict in Northern Ireland: Causes, consequences, and controls [Electronic resource] // *American Psychologist*. 1998. Vol. 53, Jul. P. 754–760. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.53.7.754> (accessed: 07.08.2015).
12. *Grégory Hamez.* Approche multiscalaire de la nuptialité franco-belge [Electronic resource] // *Espace populations sociétés*. 2005. № 2. Frontières, mobilités et effets spatiaux. URL: <http://eps.revues.org/3177> (accessed: 12.07.2015).
13. *Lewis A.* Coser Social Conflict and the Theory of Social Change // *The British Journal of Sociology*. 1957. Vol. 8, № 3. P. 197–207.
14. *Parsons T.* The Structure of Social Action. N. Y., 1937.
15. Protection des minorités en Belgique [Electronic resource] // Discussion par l'Assemblée. 2002. 26 sept. (30e séance) (voir Doc. 9536, rapport de la commission des questions juridiques et des droits de l'homme, rapporteur: Mme Nabholz-Haidegger). URL: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta02/FRES1301.htm> (accessed: 17.07.2015).

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2015 г.